

DOI: 10.19195/0137-1150.167.16

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski, Polska

„Есть ли в моей жизни такой смысл,
который не уничтожался бы неизбежно
предстоящей мне смертью?”¹
(Исповедальные размышления
Льва Толстого о смерти)

Смерть в ее онтологическом, экзистенциальном и социокультурном измерении неизменно присутствует в сознании человечества. Мортальность как специфическая философско-этическая проблема начинает привлекать внимание русских авторов во второй половине XVIII века и заметно актуализируется в конце XIX–начале XX веков².

Роль Льва Толстого (1828–1910) как в плане непосредственной постановки и осмысления этой проблемы, так и в плане инспираций и разнообразных интерпретаций, связанных с ней, необычайно важна. Семен Франк отмечал, что „исходным пунктом и мотивом всего мировоззрения Толстого

¹ Л. Н. Толстой, *Исповедь*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 22 т.*, т. 16, Москва 1983, с. 122. Далее после цитирования данного издания в тексте в скобках указываются номер тома и номер страницы.

² См.: К. Г. Исупов, *Русская философская танатология*, „Вопросы философии” 1994, № 3, с. 106–114; его же, *Русская философия смерти (XVIII–XX вв.)*, [в:] *Русская философия смерти: антология*, сост., вступ. ст., коммент. его же, Москва-Санкт-Петербург 2012, с. 6–30; его же, *Чары троянского наследия: Лев Толстой в пространствах приязни и неприязни*, [в:] *Лев Николаевич Толстой*, ред. А. А. Гусейнов, Т. Г. Щедрина, Москва 2014, с. 9–34; А. Демичев, *Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию*, Санкт-Петербург 1997; В. Минеев, *Социальные аспекты смерти (философско-антропологический анализ)*, Москва 2014; Р. Красильников, *Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию)*, Москва 2015; *Мортальность в литературе и культуре*, ред. А. Г. Степанов, В. Ю. Лебедев, Москва 2015.

был страх смерти”³; Федор Степун уточнял: „Его страх был возмущением и протестом против смертности человека”⁴; Петр Бицилли прямо указывал: „[...] предметом, на который неизменно была устремлена душа Толстого, была — смерть — не как метафизически случайный, хоть и неизбежный конец жизни [...] но как ее завершение и ее отрицание”⁵.

Вопросы жизни и смерти, философская, этическая и художественная танатология в литературном наследии Толстого рассматривались в трудах русских религиозных философов⁶, отчасти в работах толстоведов советского периода⁷, в значительной степени в диссертациях и статьях современных авторов⁸. При этом предметом изучения становились прежде всего

³ С. Л. Франк, *Памяти Льва Толстого* (1910), [в:] *Л. Н. Толстой: pro et contra, Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей*, сост., вступ. ст., ком. и библиогр. К. Г. Исупова, Санкт-Петербург 2000, с. 550.

⁴ Ф. А. Степун, *Религиозная трагедия Льва Толстого* (1922), [в:] *Л. Н. Толстой: pro et contra...*, с. 447.

⁵ П. Бицилли, *Проблема смерти в творчестве Толстого*, [в:] *Л. Н. Толстой: pro et contra...*, с. 473.

⁶ См.: Д. С. Мережковский, *Л. Толстой и Достоевский*, изд. подгот. Е. А. Андрущенко, Москва 2000; Л. Шестов, *Откровения смерти. (Последние произведения Л. Н. Толстого)*, „Современные Записки” 1920, № 1 (Париж), с. 81–123; Н. Бердяев, *Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого*, [в:] *Л. Н. Толстой: pro et contra...*, с. 243–263; С. Н. Булгаков, *Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л. Н. Толстого: „Дьявол” и „Отец Сергей”*, [в:] *Л. Н. Толстой: pro et contra...*, с. 601–638; В. В. Зеньковский, *Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого*, [в:] *О религии Льва Толстого*, Москва 1912, с. 27–58; В. Н. Ильин, *Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого и его место в истории философии XIX века*, предисл., коммент. К. Г. Исупов, Санкт-Петербург 2000.

⁷ Л. Д. Опульская, *Позднее творчество Л. Н. Толстого*, [в:] *Л. Н. Толстой*, сост. А. И. Шифман, ред. Д. Д. Благой, Москва 1955, с. 336–367; Б. Эйхенбаум, *Лев Толстой: семидесятые годы*, Ленинград 1960; Б. Мейлах, *Уход и смерть Льва Толстого*, Москва-Ленинград 1960; В. Шкловский, *Лев Толстой*, Москва 1963; Г. Галаган, *Путь Толстого к „Исповеди”*, „Русская литература” 1978, № 3, с. 23–42.

⁸ См.: Н. Хагурова, *Проблема смысла жизни и смерти в философии Л. Н. Толстого*, Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук, Москва 1995; К. А. Нагина, *Образно-смысловая оппозиция „жизнь”–„смерть” в произведениях Л. Н. Толстого 1880-х годов*, Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Воронеж 1998; С. Меситова, *Этическая танатология Л. Н. Толстого: Толстовский опыт переживания смерти и его нравственно-религиозный смысл*, Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тула 2003; Ю. Семикина, *Художественная танатология в творчестве Л. Н. Толстого 1850–1880-х гг.: Образы и мотивы*, Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Волгоград 2002; Г. Попов, *Проблема жизни и смерти в религиозно-философской антропологии Л. Н. Толстого*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, Москва 2006; Н. Волохова „Путь смерти” *Л. Н. Толстого: категория смерти в его религиозно-нравственной философии*, [в:] „Вестник Московского университета”, сер. 7: Философия 2000, № 3, с. 84–98; Н. Шишхова, *Концепт смерти в повести Л. Н. Толстого „Смерть Ивана Ильича”*, [в:] „Вестник Адыгейского государственного университета”, сер. 2: Филология и искусствоведение 2011, № 3, с. 76–80.

такие произведения писателя, как *Три смерти* (1859), *Смерть Ивана Ильича* (1886), *Хозяин и работник* (1895), романы *Война и мир* (1869) и *Анна Каренина* (1877); а также *Детство* (1852), *Отрочество* (1854), *Набег* (1853), *Рубка леса* (1855), *Севастопольские рассказы* (1855), *Записки маркера* (1855) и др. Наряду с художественными произведениями в поле внимания исследователей находятся и религиозно-философские сочинения Толстого, в которых затрагивается мортальная проблематика.

В центре данной статьи — толстовские размышления о смерти, выраженные в *Исповеди* (1879–1882)⁹. Сохранившиеся черновики, как отметил Николай Гусев, свидетельствуют о том, что в ранних вариантах новое произведение начиналось непосредственно

с описания душевного кризиса, пережитого автором [...] „Мне было почти 50 лет, когда со мной сделалось то ужасное душевное состояние, которое чуть не привело меня к самоубийству и наконец привело меня в то душевное состояние, в котором я нахожусь”¹⁰.

Впоследствии структура текста несколько изменилась, но тема мортальности осталась одной из ведущих. Появляется она в третьей главе *Исповеди* (всего их 16) в двух идущих один за другим эпизодах мемуарного характера. Постепенно тема мортальности расширяется, развивается, занимая основное пространство текста в IV–VII главах, затем несколько отходит в тень, но не исчезает вовсе. В первом эпизоде Толстой вспоминает, как он, находясь в своей первой заграничной поездке, 25 марта 1857 года, испытал настоящее потрясение, наблюдая гильотинирование убийцы в Париже. Сам „вид смертной казни” преступника („голова отделилась от тела, и то, и другое врозь застучало в ящике” [т. 16, с. 113]) в мирное время в европейской столице подействовал на писателя, имевшего к тому времени реальный опыт участия в военных действиях и слывшего храбрым офицером, крайне угнетающе. Второй эпизод связан со смертью старшего брата — Николая Николаевича, который скончался на руках Льва Николаевича от туберкулеза 20 сентября 1860 года в Гиере во Франции. 13 октября 1860 года Толстой записал в дневнике: „[...] Николенька умер. Страшно оторвало меня от жизни это событие. Опять вопрос: зачем? [...] Николенькина смерть

⁹ См. об *Исповеди* работы последних лет: А. А. Балдин, „*Исповедь*” Л. Н. Толстого и его произведения 1880–1890-х гг., „Известия Уральского университета” 2000, № 17, с. 24–32; И. И. Виноградов, „*Вопрос жизни*” и мьтарства „разумной веры” Льва Толстого, [в:] его же, *Духовные искания русской литературы*, Москва 2005, с. 56–143; Л. Луцевич, „*Исповедь*” Л. Н. Толстого: анализ, покаяние, поиски истины веры, „*Slavia Orientalis*” 2010, № 4, с. 467–486; С. Зассе, *Заразительная речь против заразительного греха. Выступление Толстого против слабости*, [в:] ее же, *Яд в ухо: Исповедь и признание в русской литературе*, пер. с нем. Б. Скуратова и И. Чубарова, Москва 2012, с. 133–165; А. Д. Зорина, *Исповедальность Льва Толстого: путь к смыслу жизни*, [в:] *Лев Николаевич Толстой. ...*, с. 206–218.

¹⁰ Н. Н. Гусев, *Комментарии. Исповедь*, [в:] Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений: в 90 т.*, т. 23, подг. текста и ком. Н. Н. Гусева, Москва 1957, с. 518.

— самое сильное впечатление в моей жизни” [т. 21, с. 231]. Это же впечатление почти через двадцать лет получит отражение в *Исповеди*:

Умный, добрый, серьёзный человек, он заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая, зачем он жил, и ещё менее понимая, зачем он умирает. Никакие теории ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне, ни ему во время его медленного и мучительного умирания [т. 16, с. 113].

Тема смерти, ее гнетущее эмоциональное восприятие, „печоринские” вопросы: зачем человек жил? зачем умирает? — возникнув в этих двух мемуарных эпизодах, далее варьируются и умножаются.

Согласно воспоминаниям писателя, он уже в начале шестидесятых годов испытывал все возрастающее внутреннее беспокойство: „я чувствовал, что я не совсем умственно здоров [...] я заболел более духовно, чем физически, — бросил всё и поехал в степь к башкирам — дышать воздухом, пить кумыс и жить животную жизнью” [т. 16, с. 114–115]. Толстой выехал на отдых в Самарскую губернию 14 мая 1862 году, вернулся, как считал, абсолютно здоровым 31 июля¹¹. А 23 сентября 1862 года женился на Софье Берс. Семейное счастье отсрочило на 15 лет то „отчаяние”, к которому Толстой все же „пришёл в пятьдесят лет” [т. 16, с. 114]. Но и в период полного счастья случались события „необыкновенные”. Одно из них упоминается в письме к Софье Андреевне от 4 сентября 1869 года:

Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то *необыкновенное*. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. [...] подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай бог испытать [т. 18, с. 683].

Позже сын Толстого — Сергей Львович, напишет: „Я не берусь определить причину арзамасской тоски, но мне все-таки кажется, что это был болезненный припадок”¹². Однако сам Толстой в письме отметил: „ничего не болело”.

Приступы толстовских страхов спровоцировали появление множества работ, посвященных состоянию здоровья и так называемым „патологиям” писателя¹³. Известный врач-психиатр Григорий Сегалин (1878–1960), ис-

¹¹ См.: В. С. Морозов, *Воспоминания о Л. Н. Толстом ученика яснополянской школы*, [в:] *Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т, т. 2*, Санкт-Петербург 2017, с. 127–136.

¹² С. Л. Толстой, *Очерки былого*, Тула 1975, с. 28–29.

¹³ См.: Ч. Ломброзо, *Мое посещение Толстого*, Carouge (Geneve) 1902; Г. В. Сегалин, *Эвропатология личности и творчества Льва Толстого*, Свердловск 1930; Д. Ранкур-Лаферьер, *Лев Толстой на кушетке психоаналитика. Женоненавистничество, мазохизм и ранняя утрата матери*, [в:] его же, *Русская литература и психоанализ*, пер. Ю. Маслов, Москва 2004, с. 541–856; И. Сироткина, *Толстой и зарождение психоанализа в России*, [в:] ее же, *Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX–начала XX века*, Москва 2008, с. 102–103; М. Баганова, *Лев Толстой. Психоанализ гениального женоненавистника*, Москва 2014.

следовавший влияние болезней на творческий процесс писателя, безапелляционно заявлял: „Нет сомнения в том, что весь характер этих приступов «арзамасской тоски» не есть только простая фобия, а типичный эпилептический эквивалент эпилептика, сопровождающийся галлюцинациями”¹⁴. В *Исповеди* об арзамасском приступе нет ни слова. Толстой только отмечает участвовавшие „странные” внутренние состояния:

[...] со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. [...] Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: Зачем? Ну, а потом? [т. 16, с. 115].

Свое психическое состояние писатель сравнивает с ситуацией тяжело заболевшего человека:

Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельною внутреннею болезнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомогания, на которые больной не обращает внимания, потом признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются в одно нераздельное по времени страдание. Страдание растёт, и больной не успеет оглянуться, как уже сознаёт, что то, что он принимал за недомогание, есть то, что для него значительнее всего в мире, что это — смерть [т. 16, с. 116].

Теперь Толстой уже не может с прежним рвением заботиться о семейном благосостоянии, ему каждый раз не дает покоя повторяющийся вопрос: зачем это делать? „Прежде чем заняться самарским имением, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я это буду делать” [т. 16, с. 116], какой во всем этом смысл? Семен Франк отмечал: „мы знаем по *Исповеди*, что страх смерти значил у Толстого мистический ужас перед временным, преходящим характером жизни, ужас перед бессмысленностью всей жизни, если она [...] не прикреплена к чему-либо вечному”¹⁵. Но мы также знаем, что Толстой нашел в себе смелость отправиться в ужасное „путешествие” — в свой внутренний мир, где поселился страх — всепроникающий, ослепляющий, блокирующий сознание автора. Однако через опыт самовыражения этого страха автор продолжает процесс самопознания. Пережитое состояние душевного коллапса оставляет пессимистическое осознание только „этого одного”: движение человека к небытию предопределено, смерть неизбежна, значит, жизнь не имеет никакого смысла. Автор обреченно заключает: единственная истина, существующая в мире, состоит в том, что „жизнь есть бессмыслица”, что ничего нет впереди, кроме „[...] страданий и настоящей смерти — полного уничтожения” [т. 16, с. 117]. Бессмыслица жизни, потрясая сознание писателя, кроется, по словам Василия Маклакова, в неизбежности смерти: „Для Толстого бессмыслица жизни была именно в том, что жизнь кончалась смертью, что не было ни

¹⁴ Г. В. Сегалин, *Эвропатология личности и творчества Льва Толстого*, <http://tolstoy.lit-info.ru/tolstoy/public/segalin-evropatologiya-lichnosti/index.htm> [дата обращения: 30.06.2017].

¹⁵ С. Л. Франк, *Памяти Льва Толстого* (1910), [в:] *Л. Н. Толстой: pro et contra...*, с. 550.

одного счастья, которое не уничтожалось бы смертью; это исходный пункт его мук¹⁶. Действительно, испытывая состояние бессильного отчаяния, Толстой указывает на естественность и даже закономерность появления мысли о самоубийстве:

Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употреблять против себя хитрости, чтобы не привести её слишком поспешно в исполнение. [...] И вот тогда я, счастливый человек, вынес из своей комнаты, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, шнурок, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал ходить с ружьём на охоту, чтобы не соблазниться слишком лёгким способом избавления себя от жизни. Я сам не знал, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь от неё и, между тем, чего-то ещё надеялся от неё [т. 16, с. 117].

Парадоксально, но факт: гнетущая депрессия возникла не в результате каких-либо травмирующих событий или непреодолимых трудностей в жизни писателя. Как раз наоборот; он переживал период „совершенного счастья”:

У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения. При этом я не только не был телесно или духовно нездоров, но, напротив, пользовался силой и духовной, и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках: телесно я мог работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно я мог работать по восьми — десяти часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий. И в таком положении я пришёл к тому, что не мог жить и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни [т. 16, с. 117–118].

Подавляющее состояние ужаса разрушало психику, ум и дух писателя. Рассматривая свои отдельные поступки, анализируя и оценивая свою жизнь в целом, он не может найти в них какой-либо смысл. Ему ясно только одно: „не нынче — завтра придут болезни, смерть [...] и ничего не останется” [т. 16, с. 118]. Отсюда вывод: положение человека „глупо и отчаянно”, „жизнь бессмысленна и ужасна” [т. 16, с. 120].

Но Толстой не может ограничиться только констатацией пережитого эмоционального потрясения, ему необходимо рассмотреть проблему глубже: то, что неоднократно повторяется, не может быть вызвано частным случаем или причудой, оно должно определяться какой-то причиной; „если повторяются всё те же вопросы, то надо ответить на них” [т. 16, с. 116]. Причем, как вспоминает писатель, поначалу ему казалось, что вопрос о смысле жизни банален и при надобности ответ на него будет найден без особого труда, просто пока ему „некогда этим заниматься” [т. 16, с. 116]. Априори он был убежден, что мир упорядочен и имеет смысл, поэтому поначалу проблема смысла жизни видится как нечто абстрактно-отдаленное и не имеющие места в настоящем. Но постепенно писатель все чаще соотносит пробле-

¹⁶ В. А. Маклаков, *О Льве Толстом. Две встречи*, Paris 1929, с. 14.

мы жизни с конечностью человеческого существования, т. е. с проблемой смерти. И это становится явлением непосредственного переживания уже в настоящем, от чего невозможно отмахнуться. Острое чувство непреодолимого страха смерти, завладевшее сознанием, приводит автора в состояние полного оцепенения — „жизнь остановилась”. Новое ощущение требует соответствующего истолкования, постепенно приходит понимание того, что решение вопроса — есть ли в жизни такой смысл, который не уничтожался бы смертью? — единственная жизненно важная потребность. Для достижения результата необходим соответствующий метод, с помощью которого можно решить важнейший „вопрос жизни”. И Толстой попытался воспользоваться наиболее приемлемым, усвоенным с юности, — рационалистическим. Законы природы устанавливает познающий её человек и, кроме познания жизни разумом¹⁷, других способов не существует. Культ разума в XIX веке — явление общераспространенное. Один из современников писателя — Роман Дистерло, писал:

Привычная нам, господствовавшая в девятнадцатом столетии, рационалистическая философия [...] провозглашала верховенство [...] разума. Всю сферу сознательной жизни человека она подчиняла разуму и в нем видела единственное средство для удовлетворения всех духовных потребностей. Она признавала за истину только то, что можно было доказать из разума, что допускало логическую поверку¹⁸.

Самого Толстого, по его признанию, с ранней молодости привлекали разнобразные знания¹⁹ — „умозрительные”, „математические”, „естественные” [т. 16, с. 122]. К ним-то и обратился уже маститый писатель, ища ответ на свой, „самый важный и глубокий вопрос в жизни” [т. 16, с. 116]. Но обнаружил только то,

что по отношению к этому вопросу все человеческие знания разделяются как бы на две противоположные полусферы, на двух противоположных концах которых находятся два полюса: один — отрицательный, другой — положительный [...].

Один ряд знаний как бы и не признаёт вопроса, но зато ясно и точно отвечает на свои независимые поставленные вопросы: это — ряд знаний опытных, и на крайней точке их стоит математика; другой ряд знаний признаёт вопрос, но не отвечает на него: это — ряд знаний умозрительных, и на крайней их точке — метафизика [т. 16, с. 122].

Суть „опытных знаний” писатель интерпретировал в русле современного ему антропогенеза, опирающегося на всеобщий закон развития природы: „Всё развивается, дифференцируется, идёт к усложнению и усовершенствованию, и есть законы, руководящие этим ходом” [т. 16, с. 122].

¹⁷ В своей первой дневниковой записи от 17 марта 1847 г. Толстой — студент Казанского университета — пишет о разуме как „первенствующей способности человека” [т. 21, с. 7].

¹⁸ Р. А. Дистерло, *Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист. Критический очерк*, Санкт-Петербург 1887, с. 17–18.

¹⁹ 19 марта 1847 г. Толстой отмечает в дневнике: „Во мне начинает проявляться страсть к наукам” [т. 21, с. 8].

Физический и духовный мир для Толстого — это многоликое единое целое, человек является его частью, значит, познав „целое” и общий „закон развития”, человек познает „и самого себя” [т. 16, с. 122]. Наблюдая с молодости за процессом собственного роста и совершенствования — физического и интеллектуального — Толстой на собственном опыте убеждается, что человек развивается, как и вся природа²⁰, по законам непрерывного усложнения. В зрелом возрасте, продолжая самонаблюдения, он обнаруживает в себе уже признаки распада — и тогда с негодованием отвергает всеобщий закон развития:

я почувствовал, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабеют, зубы падают, — и я увидал, что этот закон не только ничего мне не объясняет, но что и закона такого никогда не было и не могло быть, а что я принял за закон то, что нашёл в себе в известную пору жизни [т. 16, с. 123].

Противоречия, сомнения, неудовлетворенность существующим знанием обуславливали еще более настойчивое стремление писателя понять и объяснить себе, „что я такое с моими желаниями?” [т. 16, с. 123]. Константин Исупов утверждает, что „сознание Толстого работает в режиме дедукции: от картин жизни общечеловеческой к прозаическому быту частного лица”²¹. Однако в *Исповеди* такой однонаправленности нет, мы видим в рассуждениях писателя постоянное чередование, казалось бы, противоречащих друг другу методов и идей; здесь сознание писателя „работает” скорее амбивалентно — как в режиме дедукции, так и в режиме индукции. Он опирается на интеллектуальное, логическое, дедуктивное знание, а также на живое созерцание, стремясь объединить знания „опытные” (опробованные на практике) и „умозрительные” (теоретические).

Обращаясь к „разумному” знанию, здравому смыслу, писатель поначалу убежден, что на уровне теоретического знания он вполне сможет постичь суть интересующей его проблемы. Согласно его юношеским представлениям, естественнонаучная и философская рефлексии призваны выявлять объективные знания о жизни, систематизировать их, руководствуясь строгими критериями, формулировать всеобщие законы и объяснять их сущность. И вот уже зрелый Толстой, „мучительно и долго” ищет „во всех знаниях” объяснения на свои вопросы:

Я искал везде и, благодаря жизни, проведённой в учении, а также тому, что, по связям своим с миром учёным, мне были доступны сами учёные всех разнообразных отраслей знания, не отказывавшиеся открывать мне все свои знания не только в книгах, но и в беседах [т. 16, с. 121].

²⁰ Ср.: 17 апреля 1847 г. Толстой записал: „я прихожу всегда к одному заключению: цель жизни человека есть всевозможное способствование к всестороннему развитию всего существующего” [т. 21, с. 13–14].

²¹ К. Г. Исупов, *Чары троянского наследия...*, с. 25.

Писатель в качестве объекта исследования использует и самого себя: он досконально анализирует свои собственные познания, приобретённые в процессе непосредственных личных переживаний, впечатлений, практических действий, наблюдений и неустанных размышлений. Результат пессимистичен: „я не могу не видеть дня и ночи, бегущих и ведущих меня к смерти. Я вижу это одно, потому что это одно — истина. Остальное всё — ложь” [т. 16, с. 119].

При всей, казалось бы, логической очевидности умозаключения, писатель все же не ограничивается личными наблюдениями и общением с „миром ученых”, он вновь обращается к конкретным „опытным” наукам — физиологии, психологии, биологии. Однако, в его оценке, эти науки „исполнены неясностей, неточностей, глупостей и противоречий” [т. 16, с. 125], поэтому не заслуживают доверия. Но и науки „умозрительные” — метафизика, философия, а также науки юридические, социальные, исторические, по мнению писателя, или не отвечают на важнейшие вопросы бытия (что такое человек? что такое мир?), или сами только об этом и спрашивают: „вместо ответа получается тот же вопрос, только в усложнённой форме” [т. 16, с. 126]. Совершенно очевидно: суждения, характеристики, интерпретации, оценки наук, данные Толстым, носят личностный, пристрастный характер. Философия излишне, по его мнению, субъективно осмысляет устремления человека к безграничности и универсальности развития; она создает лишь некие неясные фрагменты картины мира, в которых человек всегда односторонне видит самого себя. Математика изучает слишком абстрактные понятия. Естественнонаучные дисциплины, наоборот, поглощены специальными знаниями: „о химическом составе звёзд, о движении солнца к созвездию Геркулеса, о происхождении видов и человека, о формах бесконечно малых атомов, о колебании бесконечно малых невесомых частиц эфира” [т. 16, с. 127].

Несмотря на растущий скептический нигилизм относительно возможности позитивного решения „вопроса жизни”, Толстой все еще не отказывается от рассудочного здравомыслия и предпринимает новую попытку погрузиться в *высшую мудрость* „сильнейших умов человечества”: в размышления Соломона, Сакиа-Муни, Сократа, Шопенгауэра²² о жизни и ее смысле, о смерти. Писатель ценит *мудрость* — как глубокое понимание логики происходящего в настоящем и способность предвидеть будущее — выше интеллектуального знания. Результатом этого погружения во многовековую человеческую мудрость становится созданная Толстым типология, основу которой определяет отношение просвещенных людей к идее бессмысленности жизни как к установленной истине. Писатель формирует

²² См. об этом соответствующие главы из книги Давида Квитко: *Смысл жизни; Толстовство и буддизм; Толстой и Шопенгауэр*, [в:] Д. Ю. Квитко, *Философия Толстого*, Москва 1930, с. 1–23; с. 47–52, с. 95–100; И. А. Белая, *Буддизм как теоретический источник учения сознания жизни Л. Н. Толстого*, „Этическая мысль”, вып. 2, Москва 2001, с. 203–215; С. Валюлис, *Лев Толстой и Артур Шопенгауэр*, Вильнюс 2000.

четыре „разряда” представителей современного ему образованного круга, где одни избирают позицию „неведения”, суть которой „не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица”; другие опираются на эпикурейство: „зная безнадежность жизни, пользуются [...] теми благами, какие есть”; третьи уповают на свою силу и энергию: „поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожают её”; четвертые остаются на позиции „слабости”: „понимая зло и бессмысленность жизни, продолжают тянуть её, зная вперёд, что ничего из неё выйти не может” [т. 16, с. 133–134]. Автор, по собственному признанию, находится в последнем — четвертом — разряде. Как видно, и общение с мудрейшими не изменило общего вывода.

Казалось бы, круг замкнулся: при имеющихся различиях в отношении к проблеме людей образованного класса объединяет понимание того, что жизнь есть зло и бессмыслица, и нет в ней такого смысла, который не уничтожался бы смертью. Однако при наличии всей так называемой „тяжелой артиллерии” несомненных доказательств в пользу бессмысленности жизни у автора все же теплилось „смутное сознание несправедливости” этих размышлений, и его беспокоил вопрос: „а что как я чего-нибудь ещё не знаю?” [т. 16, с. 136]. Под влиянием этого сознания он дает волю развитию своих мыслей в новом направлении — в направлении „неразумного знания”, то есть веры [т. 16, с. 138]. Вопросам поиска и обретения веры посвящена вторая часть *Исповеди*, где описано, как „Толстой нашел веру, пережил глубокий религиозный опыт, ощутил Бога, — и этот новый опыт дал ему возможность существовать”²³ далее.

Библиография

- Баганова М., *Лев Толстой. Психоанализ гениального женоненавистника*, Москва 2014.
- Балдин А. А., «Исповедь» Л. Н. Толстого и его произведения 1880–1890-х гг., „Известия Уральского университета” 2000, № 17.
- Белая И. А., *Буддизм как теоретический источник учения сознания жизни Л. Н. Толстого*, „Этическая мысль”, вып. 2, Москва 2001.
- Бердяев Н. А., *Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого*, [в:] Л. Н. Толстой: *pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей*, сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К. Г. Исупова, Санкт-Петербург 2000.
- Бирюков П. И., *Биография Л. Н. Толстого: в 2 кн.*, кн. I, Москва 2000.
- Бицилли П., *Проблема смерти в творчестве Толстого*, [в:] Л. Н. Толстой: *pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей*, сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К. Г., Исупова, Санкт-Петербург 2000.
- Булгаков С. Н., *Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л. Н. Толстого: „Дьявол” и „Отец Сергей”*, [в:] Л. Н. Толстой: *pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей*, сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К. Г. Исупова, Санкт-Петербург 2000.

²³ В. В. Зеньковский, *Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого*, [в:] *О религии Льва Толстого*, Москва 1912, с. 33–34.

- Валюлис С., *Лев Толстой и Артур Шопенгауэр*, Вильнюс 2000.
- Виноградов И. И., *Духовные искания русской литературы*, Москва 2005.
- Волохова Н., „Путь смерти” Л. Н. Толстого: категория смерти в его религиозно-нравственной философии, „Вестник Московского университета”, сер. 7: Философия 2000, № 3.
- Галаган Г., *Путь Толстого к „Исповеди”*, „Русская литература” 1978, № 3.
- Гусев Н. Н., *Комментарии. Исповедь*, [в:] Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений: в 90 т.*, т. 23, подгот. текста и ком. Н. Н. Гусева, Москва 1957.
- Демичев А., *Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию*, Санкт-Петербург 1997.
- Дистерло Р. А., *Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист. Критический очерк*, Санкт-Петербург 1887.
- Зеньковский В. В., *Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого*, [в:] *О религии Льва Толстого*, Москва 1912.
- Зассе С., *Яд в ухо: Исповедь и признание в русской литературе*, пер. Б. Скуратова и И. Чубарова, Москва 2012.
- Зорина А. Д., *Исповедальность Льва Толстого: путь к смыслу жизни*, [в:] *Лев Николаевич Толстой*, ред. А. А. Гусейнов, Т. Г. Щедрина, Москва 2014.
- Ильин В. Н., *Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого и его место в истории философии XIX века*, предисл., коммент. К. Г. Исупов, Санкт-Петербург 2000.
- Исупов К. Г., *Русская философская танатология*, „Вопросы философии” 1994, № 3.
- Исупов К. Г., *Русская философия смерти (XVIII–XX вв.)*, [в:] *Русская философия смерти: антология*, сост., вступ. ст., коммент. его же, Москва; Санкт-Петербург 2012.
- Исупов К. Г., *Чары троянского наследия: Лев Толстой в пространствах прязни и неприязни*, [в:] *Лев Николаевич Толстой*, ред. А. А. Гусейнов, Т. Г. Щедрина, Москва 2014.
- Квитко Д. Ю., *Философия Толстого*, Москва 1930.
- Красильников Р. Л., *Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию)*, Москва 2015.
- Ломброзо Ч., *Мое посещение Толстого*, Carouge (Geneve) 1902.
- Луцевич Л., „Исповедь” Л. Н. Толстого: анализ, покаяние, поиски истины веры, „Slavia Orientalis” 2010, № 4.
- Маклаков В. А., *О Льве Толстом. Две встречи*, Paris 1929.
- Мейлах Б., *Уход и смерть Льва Толстого*, Москва-Ленинград 1960.
- Мережковский Д. С., *Л. Толстой и Достоевский*, подг. Е. А. Андрущенко, Москва 2000.
- Меситова С., *Этическая танатология Л. Н. Толстого: Толстовский опыт переживания смерти и его нравственно-религиозный смысл*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук, Тула 2003.
- Минеев В., *Социальные аспекты смерти (философско-антропологический анализ)*, Москва 2014.
- Морозов В. С., *Воспоминания о Л. Н. Толстом ученика яснополянской школы*, [в:] *Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т*, т. 2, Санкт-Петербург 2017.
- Мортальность в литературе и культуре*: ред. А. Г. Степанов, В. Ю. Лебедев, Москва 2015.
- Нагина К., *Образно-смысловая оппозиция „жизнь”–„смерть” в произведениях Л. Н. Толстого 1880-х годов*, Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Воронеж 1998.
- Опульская Л. Д., *Позднее творчество Л. Н. Толстого*, [в:] *Л. Н. Толстой*, сост. А. И. Шифман, под общ. ред. Д. Д. Благого, Москва 1955.
- Попов Г., *Проблема жизни и смерти в религиозно-философской антропологии Л. Н. Толстого*, Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2006.
- Ранкур-Лаферрьер Д., *Русская литература и психоанализ*, перев. Ю. Маслов, Москва 2004.
- Сегалин Г. В., *Эвропатология личности и творчества Льва Толстого*, Свердловск 1930, <http://tolstoy.lit-info.ru/tolstoy/public/segalin-evropatologiya-lichnosti/index.htm>.

- Семикина Ю., *Художественная танатология в творчестве Л. Н. Толстого 1850–1880-х гг.: Образы и мотивы*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Волгоград 2002.
- Сироткина И., *Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX–начала XX века*, Москва 2008.
- Степун Ф. А., *Религиозная трагедия Льва Толстого*, [в:] Л. Н. Толстой: *pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей*, сост., вступ. ст., коммент, и библиогр. К. Г. Исупова, Санкт-Петербург 2000.
- Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений: в 90 т.*, общ. ред. В. Г. Черткова, Москва 1928–1964; т. 17: 1936; т. 23, 1957.
- Толстой Л. Н., *Собрание сочинений: в 22 т.*, гл. ред. М. Б. Храпченко, Москва 1978–1985; т. 16, 1983; т. 21, 1985.
- Толстой С. Л., *Очерки былого*, Тула 1975.
- Франк С. Л., *Памяти Льва Толстого (1910)*, [в:] Л. Н. Толстой: *pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей*, сост., вступ. ст., коммент, и библиогр. К. Г. Исупова, Санкт-Петербург 2000.
- Хагурова Н., *Проблема смысла жизни и смерти в философии Л. Н. Толстого*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Москва 1995.
- Шестов Л., *Откровения смерти. (Последние произведения Л. Н. Толстого)*, „Современные Записки” 1920, № 1 (Париж).
- Шишхова Н., *Концепт смерти в повести Л. Н. Толстого “Смерть Ивана Ильича”*, „Вестник Адыгейского государственного университета”, сер. 2: Филология и искусствоведение 2011, № 3.
- Шкловский В., *Лев Толстой*, Москва 1963.
- Эйхенбаум Б., *Лев Толстой: семидесятые годы*, Ленинград 1960.

“Does my life have a meaning that wouldn’t be destroyed by my inevitably approaching death?” Confessional reflections on death of Leo Tolstoy

Summary

The search for the meaning of life, contributing to the dramatic changes that have occurred in the philosophy and work of Leo Tolstoy, has been reflected in his Confession (1879–1882). The theme of death first appears in the third chapter of the Confession, among the episodes that represent memoirs, and then expands, occupying the main space in the IV–VII chapters. In his memoirs, trying to get a trustworthy answer to the question that tortures him, the writer uses methods of experiential and theoretical sciences. As a result, he comes to the conclusion that life is meaningless and creates a four-part typology. Only taking the path of “irrational knowledge” that is faith, and having experienced a deep religious understanding, he creates a doctrine that makes the sense of life.

Keywords: Leo Tolstoy, death, empiricism, speculative sciences, faith

„Czy jest w życiu mem cel, któregoby nie zniszczyła nieunikniona, czekająca śmierć?” — rozmyślenia Lwa Tołstoja o śmierci

Streszczenie

Poszukiwanie sensu życia, będące przyczyną kardynalnych zmian, jakie nastąpiły w światopoglądzie i twórczości Lwa Tołstoja, znalazło swoje odzwierciedlenie w jego Spowiedzi (1879–1882). Temat śmierci po raz pierwszy pojawia się w III rozdziale dzieła, w części mającej charakter pamiętnikarski, a następnie rozwija się, stanowiąc zasadniczą treść rozdziałów IV–VII. Pisarz, starając się uzyskać wiarygodną odpowiedź na dręczące go pytanie, w swoich rozważaniach ucieka się do metod nauk empirycznych i spekulatywnych. W efekcie dochodzi do wniosku o bezsensowności życia i tworzy czteroczęściową typologię. Dopiero po wejściu na ścieżkę „wiedzy nierozsądnej” — wiary, doświadczając głębokiego doznania religijnego, Tołstoj tworzy doktrynę, zgodnie z którą odnajduje sens życia.

Słowa kluczowe: Lew Tołstoj, śmierć, empiryzm, nauki spekulatywne, wiara